

DOI: [10.14515/monitoring.2025.6.3057](https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.3057)**С. Ю. Демиденко**

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ВРЕМЕН В МАССОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН.
РЕЦ. НА КН.: «СТРЕЛА ВРЕМЕНИ» В МАССОВОМ СОЗНАНИИ
РОССИЯН: ОЦЕНКИ ПРОШЛОГО, СУЖДЕНИЯ О НАСТОЯЩЕМ,
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БУДУЩЕМ / ПОД РЕД. М. К. ГОРШКОВА.
М.: ВСЬ МИР, 2024**

Правильная ссылка на статью:

Демиденко С. Ю. Взаимосвязь времен в массовом сознании россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 6. С. 271—287. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.3057>. Рец. на кн.: «Стрела времени» в массовом сознании россиян: оценки прошлого, суждения о настоящем, представления о будущем / под ред. М. К. Горшкова. М.: Весь Мир, 2024.

For citation:

Demidenko S. Yu. (2025) The Relationship of Times in the Mass Consciousness of Russians. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 271–287. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.3057>. Book Review: Gorshkov M. K. (ed.) (2024) The “Arrow of Time” in the Mass Consciousness of Russians: Assessments of the Past, Judgments About the Present, Ideas About the Future. Moscow: Ves’ Mir Publishers. (In Russ.)

Получено: 03.07.2025. Принято к публикации: 22.10.2025.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ВРЕМЕН В МАССОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН. РЕЦ. НА КН.: «СТРЕЛА ВРЕМЕНИ» В МАССОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН: ОЦЕНКИ ПРОШЛОГО, СУЖДЕНИЯ О НАСТОЯЩЕМ, ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БУДУЩЕМ / ПОД РЕД. М. К. ГОРШКОВА. М.: ВЕСЬ МИР, 2024

ДЕМИДЕНКО Светлана Юрьевна — старший преподаватель, Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия
E-MAIL: demidsu@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0001-3194-4085>

Аннотация. Коллективная монография «„Стрела времени“ в массовом сознании россиян: оценки прошлого, суждения о настоящем, представления о будущем», подготовленная под руководством академика М. К. Горшкова на основе общероссийского репрезентативного опроса населения (февраль 2024 г.), анализирует массовое историческое сознание россиян. Авторы характеризуют динамику изменений, опираясь на сопоставления с результатами общероссийских социологических опросов, проведенных Институтом социологии ФНИСЦ РАН в предыдущие периоды. Исследовательские задачи проекта направлены на выявление оценок гражданами нашей страны актуальных событий прошлого, которые демонстрируют доминирующие ценности и установки настоящего с ориентацией на будущее. Выбранная метафора «стрела времени» выступает связующим звеном представленных восьми глав, однако понимается в работе упрощенно, только как временная перспектива, не раскрывается сложность и неоднозначность используемого метафорического понятия. Для интерпретации богатого эмпирического материала авторами предложены интересные объяснительные схемы. В рецензии разбираются ключевые поло-

THE RELATIONSHIP OF TIMES IN THE MASS CONSCIOUSNESS OF RUSSIANS. BOOK REVIEW: GORSHKOV M. K. (ED.) (2024) THE "ARROW OF TIME" IN THE MASS CONSCIOUSNESS OF RUSSIANS: ASSESSMENTS OF THE PAST, JUDGMENTS ABOUT THE PRESENT, IDEAS ABOUT THE FUTURE. MOSCOW: VES' MIR PUBLISHERS

Svetlana Yu. DEMIDENKO¹ — Senior Lecturer
E-MAIL: demidsu@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0001-3194-4085>

¹ State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia

Abstract. The collective monograph "The "Arrow of Time" in the Mass Consciousness of Russians: Assessments of the Past, Judgments About the Present, Ideas About the Future" (ed. by M. K. Gorshkov, 2024) analyzes the mass historical consciousness of Russians based on a national representative population survey (February 2024). The authors characterize the dynamics of change, relying on comparisons with the results of national sociological surveys conducted by the Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences in previous periods. The research objectives of the project are aimed at identifying mass assessments of past events that demonstrate the dominant values and attitudes of the present with a focus on the future. The chosen metaphor of the "arrow of time" serves as a unifying factor throughout the eight chapters. However, it is understood in the work in a simplified manner, as a mere temporal perspective, without revealing the complexity and ambiguity of the metaphorical concept. To interpret the rich empirical material, the authors propose interesting explanatory frameworks. This review examines the key propositions and empirical findings of the researchers, noting the difficulties of sociologically studying historical understandings.

жения и эмпирические находки исследователей, отмечаются трудности социологического изучения представлений об истории. Подчеркивается важность социологических оценок массового сознания российского общества для использования их в выстраивании социальной политики, отражающей интересы граждан.

Ключевые слова: динамика массового сознания, историческое сознание, консолидация российского общества, история, общественное мнение, социальное настроение, ценности, «стрела времени»

It emphasizes the importance of sociological assessments of the mass consciousness of Russian society in developing social policy that reflects the interests of citizens.

Keywords: dynamics of mass consciousness, historical consciousness, consolidation of Russian society, history, public opinion, social sentiments, values, 'arrow of time'

Актуальность изучения исторического сознания

К теме исторического сознания и памяти исследователи обращаются регулярно на протяжении последних 20—25 лет. Еще в начале 2000-х годов Ж. Т. Тощенко отмечал увеличение интереса к знанию, пониманию и отношению людей «к историческому прошлому, его взаимосвязи с реалиями сегодняшнего дня и его возможному отражению в будущем» [Тощенко, 2000: 3], с тех пор тематика еще больше актуализировалась. Регулярно проводятся эмпирические исследования, в том числе ВЦИОМ, с целью выявления отношения населения к тем или иным историческим событиям или личностям, изучается процесс сохранения и воспроизводства прошлого опыта и его переосмысление. На проблеме исторической памяти фокусируются многие мониторинговые исследования (см., например, [Покида, Зыбуновская, 2016]), в том числе посвященные конкретным событиям (например, мониторинг Российского общества социологов «Российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2005—2025 гг.)).

Рецензируемая коллективная монография, подготовленная группой ученых Института социологии ФНИСЦ РАН, обобщает результаты всероссийского репрезентативного опроса ($N = 2000$, февраль 2024 г.) и данные предыдущих исследований с целью выявления оценок прошлого, суждений о настоящем, представлений о будущем граждан нашей страны. Предыдущая монография коллектива [Историческое сознание россиян..., 2022] представляла результаты опроса 2022 г. и ориентировалась в большей степени на изучение связи исторического сознания с гражданской идентичностью россиян. В настоящей работе исследователи поддались «научному соблазну» и представили данные через метафору «стрелы времени» путем «выявления духовно-нравственных „скреп“, которые обеспечивают «устойчивость ресурса единства и сплоченности» общества [«Стрела времени»..., 2024: 286]. Отметим, что в общественной повестке не первый год идет поиск смысложизненных ориентаций и основ, влияющих на социально-политическую устойчивость российского общества (см., например, [Российское общество и государство..., 2024]).

Писать рецензии на коллективные монографии всегда сложно, так как они часто представляют собой сборник статей авторов по теме работы, которые существенным образом различаются по качеству и по используемому понятийному аппарату, а порой и методологии. В настоящем издании подобной «солянки» во многом удалось избежать благодаря работе редактора и руководителя проекта «Российское общество середины 2020-х гг.: символы прошлого, ценности настоящего, ожидания от будущего» академика М. К. Горшкова. Каждая из восьми глав по-своему отвечает на поставленные руководителем проекта задачи [«Стрела времени»..., 2024: 10—11], что, безусловно, связано с научными интересами и специализацией каждого из авторитетных исследователей, однако основополагающей идеей остается взаимосвязь времен в массовом сознании россиян. Авторы подробно проанализировали данные опроса и дали собственные интерпретации, а в заключении М. К. Горшков представил в качестве ключевых 20 выводов, которые могут послужить аналитическими основаниями для дальнейших научных изысканий.

Коротко отметим содержание монографии. В первых двух главах Р. Э. Бараш анализирует самооценку россиянами своего познания истории и отношения к прошлому страны, выделяет ключевые исторические события в представлениях и оценках наших сограждан, а также вероятные векторы развития страны через проекции исторического опыта. В третьей главе Ю. В. Латов разбирает результаты общественного мнения о современной ситуации и путях развития России. Социальным настроениям россиян и насущным проблемам посвящена четвертая глава Н. В. Латовой. Н. Н. Седова пишет о ценностях современной России в массовых оценках и суждениях (глава 5), М. М. Мчедлова рассматривает состояние и динамику религиозного сознания, конфессиональную идентичность и роль религий и религиозных организаций (глава 6). Ф. Э. Шереги и И. О. Тюрина анализируют представления наших граждан о будущем России и затрагивают важную проблему консолидации общества (глава 7). Акцент на поколенческих различиях в контексте восприятия прошлого и будущего сделал А. Л. Андреев (глава 8).

На протяжении многих лет коллектив института проводит исследования, обращенные к изучению исторического сознания россиян. Сама идея, что «прошлое создает настоящее и одновременно выстраивает предпосылки для воплощения сценариев будущего, порождая рефлексию о путях развития страны и общества» [там же: 7—8], не подвергается сомнению. Однако важно именно понимание того, как воспринимается это прошлое гражданами страны и воспроизводится ими. При этом следует учитывать, что в подобных исследованиях фиксируется «реально функционирующее сознание, выраженное в позициях людей», которое представляет собой причудливое сочетание научных и повседневных представлений [Тощенко, 2000: 3].

В целом у россиян в последние годы отмечается повышенный интерес к истории¹ и историческому прошлому нашей страны. Об этом можно судить не только из данных опросов, но и по увеличению спроса на произведения с российской

¹ По данным опроса ВЦИОМ, подавляющее большинство россиян интересуется историей (90%), при этом две трети из них — время от времени. См. Путешествие по отечественной истории // ВЦИОМ. 2023. 27 марта. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/puteshestvie-po-otechestvennoy-istorii> (дата обращения: 24.06.2025).

исторической тематикой², по интересу к публичным и онлайн-лекциям по истории (например, Лекторий «Достоевский» расширяет свою аудиторию), к различным экскурсионным программам в исторические центры страны, высокому конкурсу в 2024 г. в вузы на исторические специальности (по словам замминистра науки и высшего образования РФ К. Могилевского³)⁴. Но что именно закрепляется в массовом сознании граждан и каким образом это отражается на их установках? Ведь манипуляция и «переписывание» истории могут привести к печальным последствиям. Не одно десятилетие распространяются мифы о России и подогреваются русофобные настроения [Таньшина, 2023; Мединский, 2025 и др.]⁵ с целью повлиять на сознание граждан и расколоть общество. Поэтому исследования, подобные проекту Института социологии ФНИСЦ РАН, не только помогают фиксировать оценки и представления россиян о ключевых событиях прошлого, выявлять самооценку своего познания истории, положения и ориентации на будущее, но и могут служить аналитической базой для социальной политики государства, направленной на укрепление общероссийской «идентичности» и дальнейшую консолидацию российского общества вокруг одобряемых населением страны представлений о будущем.

Метафора «стрела времени» как вектор изучения исторического сознания

Как уже было отмечено, в основу своего теоретического конструкта авторы приняли метафорическое понятие «стрела времени». Как в работе раскрывается это сложное и неоднозначное понятие? Стало ли оно связующей теоретической рамкой? Н. В. Романовский отмечает слабую теоретическую проработку используемого понятия в рецензируемой работе, подчеркивает, что метафора лишь «привлекательна для читательского глаза, удачна как маркетинговый ход», и ставит под сомнение саму идею работы с этим понятием [Романовский, 2025: 7]. Но стремления к концептуализации в работе все же видны: метафора «стрела времени» является стержнем всей монографии, посредством которой выстраивается определенная логика и предпринимается попытка показать взаимосвязь времен и поколений. Однако под *стрелой времени* понимается только существование трех временных периодов — прошлого, настоящего и будущего, что традиционно для изучения исторического сознания, то есть в работе дается лишь упрощенная трактовка.

Проблема использования метафор в социологии не раз поднималась учеными (например, Р. Н. Абрамовым [Абрамов, 2008], И. Н. Шмерлиной [Шмерлина, 2017], А. И. Кравченко [Кравченко, 2016] и др.), в том числе и в дискуссиях на Харчевских чтениях. Сегодня не стоит вопрос о неправомерности использования метафор в научных работах. Описывая новые явления и феномены, социологи часто используют

² Так, МТС «Строки» с января по конец мая 2025 г. зафиксировал рост на 31% за пять предшествующих месяцев. См. Короткова Е. Россияне стали больше интересоваться историей своей страны // Газета.ру. 2025. 10 июня. URL: <https://www.gazeta.ru/culture/news/2025/06/10/25998512.shtml> (дата обращения: 24.06.2025).

³ Минобрнауки сообщило о высоком конкурсе в вузы на исторические специальности в 2024 году. URL: <https://www.mskagency.ru/materials/3406265> (дата обращения: 19.12.25).

⁴ О востребованности различных источников знаний по истории России по данным исследования ИС ФНИСЦ РАН см. табл. 1.8 в книге [«Стрела времени»..., 2024: 28].

⁵ Можно также напомнить о неоднократном переиздании научно-популярных книг В. Р. Мединского «Мифы о России» в трех томах (М.: Просвещение, 2023).

метафорический язык и понятия для их описания и конкретизации (вспомним, например, работы Ж. Т. Тощенко: парадоксальный человек, кентавр-проблемы, фантомы и пр.). Однако в рецензируемой монографии *стрела времени* не реализует в полной мере весь свой потенциал и сужает понимание лишь до временной перспективы. Ни о какой ускоряющейся динамике человеческих сообществ в трактовке И. Р. Пригожина, который обосновывал постулат о *стреле времени*, здесь речи не идет. Поэтому используемая метафора несколько запутывает просвещенного читателя. Хотя представленные данные действительно демонстрируют всю сложность нашего социума и неоднозначность трактовок разных событий, а также ускорение процесса переоценки исторических фактов и личностей в периоды социально-политических трансформаций. Однако подобный посыл «прошлое для настоящего» с ориентацией в будущее актуален, так как разделяемые или оспариваемые ценности и события прошлого становятся основой формирования коллективной идентичности и порой служат для легитимации существующего социального порядка, что важно для социологического осмысления исторических процессов.

Как измеряется историческое сознание?

Социолог, изучающий взаимосвязь исторического сознания и самого общества, всегда должен с осторожностью входить в это научное поле, где его подстерегает масса ловушек и топких мест. В целом следует констатировать сложность социологического изучения представлений об историческом процессе и об историческом знании, памяти (см., например, [Орлова, 2017; Малинкин, 2020 и др.]), еще труднее сама интерпретация полученных данных. Проблема заключается прежде всего в возможных искажениях при оценивании респондентами собственных позиций (задаваемые вопросы могут быть неотрефлексированными), уровня знаний (например, познания истории респондентами, которые могут быть как завышены, так и занижены, а сами знания не всегда объективно отражают реальность). Историческая память социально дифференцирована и избирательна, изменчива и может подвергаться существенным изменениям [Прошлое для настоящего..., 2020: 14]. Известно, что общество формулирует знание, но и знание влияет на само общество, поэтому изучение диалектической связи между ними важно, как и анализ взаимоотношений между знанием и властью. Также желательно учитывать возможное непреднамеренное воздействие исследователей на формирование мнения респондента, так как могут закладываться определенные смыслы при теоретической и эмпирической интерпретации используемых понятий и терминов. Выбор шкал, формулировки суждений, списки дат или событий в закрытых вопросах могут также оказывать влияние на сами результаты. Эти методические приемы важны. А в монографии, к сожалению, не всегда приводятся точные формулировки вопросов, которые также значимы для оценки результатов и их интерпретации.

В настоящей рецензии не будем обсуждать сам опросный метод получения данных. Безусловно, все опросные методики имеют ограничения, однако важно подчеркнуть, что в представленном исследовании (как и в других мониторинговых проектах) важна именно динамика — сопоставление результатов с прошлыми периодами и ситуативный анализ, что учтено авторами. Так же, как многие исследо-

вания группы М. К. Горшкова, оно направлено на изучение массового сознания, поэтому опрашивались широкие слои населения. Выборка позволяет проводить сравнения с разными социально-демографическими группами (по возрасту, типу поселения, материальной обеспеченности и другим признакам), именно подобные разборы делают анализ акцентированным, хотя, конечно, объем выборки в 4 тыс. респондентов, как это было ранее в проекте, был более предпочтительным для исследователей, но это уже вопрос к финансированию проекта. Особо подчеркнем, что сбор данных осуществлялся методом персонализированных интервью, что сейчас редкость (чаще проводятся онлайн-опросы или комбинированные), по репрезентативной общероссийской районированной квотной выборке (квоты по полу, возрасту, социально-профессиональному статусу, уровню образования и типу населенного пункта).

Отметим некоторые важные аспекты, связанные с измерением. Ю. В. Латов обосновано указывает, что для осознания особенностей и перспектив развития страны, помимо динамики изменений показателей, стоит обращать внимание на выявление сходства/различий между крупными социальными группами [«Стрела времени»..., 2024: 84]. Подобный анализ и предпринимают все участники проекта, стараясь выделить различные группы не только на основе социально-демографических данных, но и различных субъективных показателей. Так, в работе предпринимается попытка диагностики социально-психологического самочувствия российского общества. М. К. Горшков ранее теоретико-методологически обосновывал социологический анализ духовной жизни общества, выделяя два уровня — массовидные духовно-психологические и духовно-практические образования — для операционализации понятия [Горшков, 2021]. В главе 4 «Социальные настроения россиян: запас прочности и насущные проблемы» (Н. В. Латова) речь идет «об анализе показателей, характеризующих психоэмоциональное восприятие людьми объективной социальной реальности» [«Стрела времени»..., 2024: 107], которые, по мнению автора, более информативны, чем объективные характеристики, так как ориентированы на субъективное переживание. В другой своей статье исследователь подчеркивала, что на социальное самочувствие влияют не столько объективные характеристики положения людей, сколько удовлетворенность разными аспектами жизни [Латова, 2024: 25], и именно это во многом определяет умонастроения граждан, дает представление об общей картине субъективного благополучия, указывает на источники позитивных и негативных социально-психологических состояний людей [там же: 19]. Посредством оценок собственного социально-психологического состояния и своего окружения, которое зеркально отражает собственный настрой, но в ухудшенном варианте [«Стрела времени»..., 2024: 115], анализируются показатели удовлетворенности разными аспектами жизни, отношения к стране, социальные настроения. Делается вывод, что запас прочности находится на хорошем уровне и имеются «благоприятные условия для роста консолидации граждан, закрепления позитивных тенденций в общественной жизни» [там же: 135]. В целом подобный анализ социальных аспектов через субъективные переживания позволяет учитывать разные социальные настроения и более тонко оценивать ситуацию, а динамические ряды с учетом событийного анализа показывают резкую смену социально-психологического состояния.

Поэтому можно согласиться с автором, что психоэмоциональное восприятие информативно, хотя и не стоит преувеличивать роль этих показателей в сравнении с другими объективными характеристиками.

Помимо анализа линейных и парных распределений, активно используемых в анализе, применяются дополнительные типологии, на основе которых выделяются различные ценностные группы. Но не все типологии удачны. Например, предложения по выделению групп «исторических оптимистов», «исторических пессимистов» и «исторических нейтраллистов» кажутся спорными. На данных настоящего исследования об этом судить невозможно, так как сама логика построения анкеты и вопросы уже задают направление. То, как семантически воспринимают россияне понятия «прошлое», «настоящее» и «будущее», нельзя связывать исключительно с историческим оптимизмом или пессимизмом [там же: 20], ибо не ясно, о каком измерении идет речь — индивидуальном или историческом. Поэтому и вопрос о формировании исторического мышления остается открытым, а утверждение, что «многие современники рассматривают отечественную историю ретроспективно: как движение страны „по стреле времени“... к ограниченному набору вариантов будущего» [там же: 16], недостаточно обосновано. Высокий процент тех, кто неоднозначно воспринимает понятие «стрела времени» (39%), свидетельствует скорее о методической проблеме: более трети респондентов, возможно, не поняли вопроса, формулировку которого авторы, к сожалению, не привели в тексте.

Также выделяются четыре ценностные группы на основе ответов на три вопроса, характеризующих предпочтения респондентов в отношении цивилизационного и мировоззренческого суверенитета страны на трех временных этапах: «последовательные сторонники», «в целом сторонники», «непоследовательные сторонники», «противники исторического суверенитета» [там же: 18]. К сожалению, в тексте сложно отыскать доли этих групп, хотя последовательно приводятся парные распределения по другим вопросам, например о востребованности различных источников знания по истории России [там же: 31], о принятии единого учебника [там же: 39] или целях изучения истории в школе [там же: 44].

Любопытным представляется описание пяти типологических групп россиян в оценках будущего (гл. 7) — оптимисты (14,1%), умеренные (5,1%), пессимисты (1,8%), эклектики (разные оценки по различным направлениям — 68,6%) и неопределившиеся (10,4%) [там же: 237] — и их количественно-качественных характеристик. Показано, что консолидирующую основу российского общества составляют так называемые эклектики, учитывающие, что в разных сферах ситуация будет складываться по-разному (от успеха до поражения), к ним примыкают оптимисты и умеренные в своих прогнозах. Интересно, что представители всех пяти групп оценивают аспекты своей жизни (материальное обеспечение, жилищные условия, возможность отпуска, получения образования, жизненную среду) как хорошие. Исключение составляет позиция о возможности выражать свои политические взгляды: хуже ее оценивают в группе пессимистов, умеренных и эклектиков. То, что большинство граждан (88%) дают положительные прогнозы внутренней и внешней жизни нашей страны, свидетельство высокого уровня консолидации общества. В целом выделение подобных групп представляется эвристичным для сравнительного анализа — как для оценки прошлого и настоящего, так и прогностического аспекта.

Отметим также анализ семантического пространства восприятия россиянами явлений и процессов через оценку по трехбалльной шкале 30 понятий, объединенных в тематические категории: время в трех перспективах, философия и идеология, форматы общественной трансформации (реформы, революция), геополитика (Восток, Азия, Запад, Америка, Европа, Евросоюз, глобализация, Россия), ценности и институты, знания и технологии (гл. 5, Н. Н. Седова). Анализируется восприятие гражданами этих понятий и выстраивается их рейтинг. Можно подвергать сомнению, что именно измеряется в этом вопросе и как люди отвечают на него (об этом указано выше в отношении времени), однако в контексте измерения массового сознания представляет интерес общая картина. Так, однозначное отрицательное мнение высказано в отношении однополых браков (87 % отрицательных оценок, лишь 4 % высказались положительно), что подчеркивает ценностную традиционалистскую установку. Насторожено относятся россияне к элите (59 % отрицательных оценок, лишь 10 % положительных) и капитализму (всего 12 % позитивных оценок при 48 % отрицательных), что также соотносится с общим вектором социальных настроений россиян и ностальгии по прошлым временам (так, социализм позитивно отметили 41 % россиян). В конце рейтинга и такие понятия, связанные с геополитикой, как Америка (10 % позитивных ответов), Запад (16 %), Евросоюз (16 %), Европа (20 %), тогда как в отношении Востока и Азии больше положительных оценок (33 % и 39 % соответственно). Все это в целом отражает общую геополитическую ситуацию и отношение россиян к ней. Скорее всего, за прошедший год восприятие гражданами нашей страны этих понятий не изменилось, а разрыв мог только усилиться. Таким образом, представленный в монографии анализ дополняет общую ценностную картину россиян и может успешно применяться при комплексном подходе.

Отметим и некоторые проблемные моменты. В первых двух главах заявляется о «выявлении в массовом сознании основных уроков истории» на основе самооценки отечественной истории россиянами, главных источниках получения информации о ней и пр. К сожалению, не приводятся данные о том, какой же процент населения вообще интересуется историей России. В исследовании информация подается с оценки собственной исторической компетентности россиян: мы видим позитивную динамику показателя высокой информированности — с 11 % в 2020 г. до 25 % в 2024 г. возросло число тех, кто считает, что хорошо знает историю России [там же: 14]. Но хотелось бы понимать, как оценивают свои знания именно те, кто историей интересуется, а кто — нет. Далее представлен социально-демографический профиль отвечающих и даже анализ эмоционально-чувственного отношения к своей стране через призму компетенции [там же: 16—17], но показателя «интерес к истории» мы не узнаем (хотя он базовый, например, для выявления интереса к политике).

Р. Э. Бараш, утверждая, что «нашим согражданам близки идеи исторического детерминизма» [там же: 47], предлагает анализ выбора значимых событий отечественной истории, которые определили ее (см. Рис. 2.1 [там же: 49]), однако результат зависит от формы вопроса — закрытый, полузакрытый или открытый. Только из ссылки на с. 51 можно догадаться, что вопрос был закрытым и респонденты могли выбрать не как в 2020 г. более пяти вариантов, а все, что счита-

ли необходимым, поэтому сопоставление результатов будет некорректным (см. табл. 2,3 [там же: 54]).

В целом нужно подчеркнуть, что проблема измерения исторического сознания из разряда «вечных», поэтому научный поиск в этом направлении всегда важен. Авторы продемонстрировали возможности владения инструментами анализа, а результаты могут быть полезны для понимания и осмысления этой непростой тематики, поэтому перейдем к разбору некоторых из них.

Эмпирические факты и находки

Как уже было сказано, исследование выполнено высококвалифицированным коллективом, длительное время занимающимся данной проблематикой, и содержит отсылки к прошлым исследованиям, что позволяет сопоставить данные и увидеть динамику. Например, обратим внимание на рост востребованности у россиян школьных и вузовских учебников как источников исторического знания (с 21 % в 2020 г. до 51 % в 2024 г.) [там же: 32]. Возможно, это связано с широкой общественной дискуссией вокруг создания единой линейки учебников истории России по поручению президента РФ, данному еще в 2013 г. В конце августа 2024 г. новые учебники (авторы — В. Мединский, А. Торкунов, А. Чубарьян) были представлены на пресс-конференции в ТАСС, а к началу 2025/2026 учебного года уже поступили в школы⁶. В разные эпохи существовал свой мотивированный запрос со стороны государства на создание учебника в соответствии с учетом задач времени поэтому концепции отечественной истории существенным образом различались (см., например, анализ [Лубков, 2024]). Но нужно признать, что в современных реалиях этот вопрос не менее острый, и это понимают граждане страны, ведь речь идет о влиянии на подрастающее поколение, формирование гражданской идентичности, ценностей и мировоззрения, исторического мышления в целом. Это связано и с патриотическим воспитанием. А вот результаты опроса о том, кого россияне считают патриотами, оказались предсказуемыми — прежде всего тех, кто любит свое Отечество (80 %), остаются преданны ему даже в самые сложные моменты (75 %), ценят историю страны (73 %), поддерживают культуру и традиции (68 %), трудятся на благо своей страны (66 %) и др. [«Стрела времени»..., 2024: 22—23]. И здесь важно то, что россияне считают одинаково значимыми чертами патриота — готовность защищать интересы страны с оружием в руках (61 % — однозначно согласны) и борьбу с искажениями истории своей страны (59 %). Ценность истории своей страны, в том числе с ее ошибками и неоднозначными поворотами, признается большинством россиян — как и стремление к объективности⁷. А вопросы переосмысления истории и соотношения ее с современностью соотносятся с формированием национальной идентичности и национального сознания. Так, подобные стратегии историзации могут придавать событиям исторический

⁶ Новая линейка единых учебников по истории // История.РФ. URL: <https://histrf.ru/read/news/novaya-lineyka-edinyh-uchebnikov-po-istorii> (дата обращения: 02.07.2025).

⁷ Здесь можно вспомнить результаты опроса ВЦИОМ 2023 г., когда 54% россиян заявили, что оценка исторических событий должна быть неизменной и единой, с фиксацией того, как все происходило в истории на самом деле. И только треть считает, что нужно отходить от однозначной трактовки и переосмысливать события 37%. См. Путешествие по отечественной истории // ВЦИОМ. 2023. 27 марта. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/puteshestvie-po-otechestvennoi-istorii> (дата обращения: 21.10.2025).

смысл и значение и создавать позитивный образ прошлого для корректировки исторического сознания [Прошлое для настоящего..., 2020: 6].

Один из важных выводов исследования — позитивная динамика социальных настроений, даже несмотря на сложный период в жизни российского общества (СВО, санкционное давление и пр.): в 2024 г. доля пребывающих в негативном социально-психологическом состоянии ровнялась доле позитивно настроенных (по 50% соответственно), то есть показатели вернулись к значениям 2021 г. (в 2022 г. в связи с началом СВО соотношение было 28% к 72% соответственно) [«Стрела времени»..., 2024: 110. В главе 4 подробно анализируется динамика за десять лет, в том числе через оценку социально-психологического состояния окружающих людей. Любопытно, что во втором случае показатели более низкие — негативные состояния наблюдают 63%, позитивные — только 37%. Здесь есть о чем подумать, возможно, это свойство нашего национального характера — мы любим пожаловаться, поругать власть, создавая впечатление негативно настроенных и даже порой унылых, тогда как внутри мы более позитивны и собраны, оптимистично настроены и готовы преодолевать трудности.

Также положительная динамика наблюдается при оценке удовлетворенности разными аспектами российской повседневности [там же: 115—125]. «Несмотря на кризис, обусловленный проведением СВО на Украине и изоляцией России со стороны стран „коллективного Запада“ в жизни наших сограждан произошли позитивные сдвиги», — Н. В. Латова делает вывод, что «крепкие социальные контакты, а также возросшая удовлетворенность реализацией базовых потребностей формируют в социуме определенный запас прочности» [там же: 124]. При этом средняя самооценка эмоциональной привязанности к России по 10-балльной шкале — 8,5 балла (медиана 9, мода — 10 баллов), у тех, кто ощущает себя позитивно. Интересно, что даже у тех, кто испытывает безразличие и апатию, баллы довольно высокие (7,2, 8 и 8 соответственно), как и среди чувствующих раздражение, озлобленность и агрессию (7,1, 8 и 8 соответственно). Возможно, позитивный настрой связан еще с одной чертой россиян — консолидироваться в состоянии внешней угрозы, — однако авторы справедливо предлагают «не сбрасывать со счетов» проблемные аспекты [там же: 125].

Установлено, что самыми популярными консолидирующими ориентирами выступают: вера в Россию (42%, в большей степени среди тех, кто оценивает свое состояние позитивно), общие моральные ценности (38%), соблюдение законности и прав граждан, экономическая и политическая свобода (33%). Но «объединение вокруг флага» в начале военной операции, которое придало позитивный импульс консолидации, может нивелироваться повседневными проблемами, которых, судя по результатам исследования, вскрылось немало. Например, 31% опрошенных плохо оценивают возможность получения качественной медицинской помощи, в том числе платной; 18% считают себя плохо материально обеспеченными, 24% не имеют возможности отдохнуть в свой отпуск, довольно высок процент тех, кто заявляет о невозможности выражения своих политических взглядов (23%) [там же: 142]. Все это — довольно тревожные показатели, которые могут влиять на рост напряженности в обществе в случае нерешенности назревающих проблем.

В целом более 41 % россиян считают, что напряжение в России немного или существенно возросло, это значительно меньше показателя 2022 г. (89 %) и близко к показателю 2018 г. (39 %), что демонстрирует сложную ситуацию в целом, хотя и не противоречит явной тенденции к снижению [там же: 93]. Рассматривая динамику показателей с 2008 г., Ю. В. Латов называет это «новой нормальностью», объясняя ее чередой кризисов в стране и адаптацией к ним. Пик кризиса за это время пришелся на 2023 г. — 73 % считали ситуацию в стране напряженной (в 2016 г. показатель был 71 %), однако уже в 2024 г. показатель значительно опустился (до 57 %, как и в 2017 г.). Эту цикличность исследователи ИС ФНИСЦ РАН отмечают как «нормализацию». Выявлен парадокс: менее критично россияне оценивают ситуацию в местах непосредственного проживания, чем в целом по стране.

Большая часть населения лояльно относится к власти и выбранному курсу (65 %), с 2022 г. доля увеличилась почти в два раза. Оппозиционеры, напротив, существенно потеряли свои позиции (с 29 % в 2021 г. до 13 % в 2024 г.). Возможно, определенную роль здесь сыграл и отток несогласных с политикой за пределы страны. В любом случае растет число граждан, положительно оценивающих выбранный путь развития страны (с 53 % в 2020 г. до 78 % в 2024 г.), но видящих основные угрозы для России из-за рубежа (с 50 % в 2020 г. до 75 % в 2024 г.).

Важно также, что при рассмотрении представлений россиян о будущем России фиксируется снижение показателя тревожности. Увеличилось число тех, кто считает, что страна будет развиваться успешно: с 14,2 % в 2022 г. до 33,9 % в 2024 г., хотя большее число россиян склоняется к тому, что Россию ждут трудные времена (38,2 %), но этот показатель соответствует и относительно спокойному 2011 г. (38,6 %). Позитивные ожидания у россиян в отношении международного статуса (75 %) и экономического развития страны в будущем (70,9 %), гораздо скромнее оценки ситуации в сфере социальной справедливости (только 54,1 % позитивных ожиданий) и уровня жизни в целом (67,5 %). В главе подробно анализируются оценки разными группами россиян наличия и характера влияния на восприятие будущего событий последнего времени.

Одна из самых интересных глав монографии, на взгляд рецензента, посвящена состоянию и динамике религиозного сознания и конфессиональной идентичности как важной опоры культурно-цивилизационной идентичности. В последние годы наблюдается устойчивость религиозно-мировоззренческих предпочтений, при этом прошлая рамка анализа и деление на «прихожан и захожан» уже не работает, так как общины верующих состоят уже из нескольких поколений (причем число молодежи среди прихожан возрастает) и самовоспроизводятся [там же: 181—182]. Стабильна группа и тех, кто верит в Бога, но не относит себя к какой-то конфессии (11 %), как и группа атеистов (12 %). Однако все же атеистическое мировоззрение свойственно в большей степени молодежи (30 %, в 2017 г. — 19 %), как и тем, кто не причисляет себя к конкретным конфессиям. Исследователи по-прежнему отмечают размытость религиозного сознания, однако более четким становится соотношение веры в Бога и мировоззрения [там же: 185]. У мусульман фиксируется большая устойчивость чувства общности с единоверцами, чем среди православных (90 против 80 %), но и среди двух других групп — внеконфессионально верующих и атеистов — также наблюдается высокий уровень единения (67 и 52 % со-

ответственно), что может свидетельствовать о несколько ином символическом наполнении данной идентичности [там же: 189]. В целом нужно учитывать, что мусульман в опросе 6%; хотя это больше ошибки выборки, все же необходимо иметь в виду большую разницу с группой православных (69%).

М. М. Мчедлова пишет, что «конфессиональная идентичность не оказывает существенного влияния на интеграторы общегражданской идентичности», но несколько усиливает их, а витальные символы родной земли, территориальная идентичность выступают объединителями для большинства и православных, и мусульман, и внеконфессиональных верующих (56, 59 и 57 % соответственно), но для менее чем половины атеистов (47 %) [там же: 193]. Интересно, что для православных и мусульман общее государство более значимо, чем для других групп (50 и 56 % против 42 и 41 %). Многие вопросы не находят консенсуса, например о светскости государства, хотя наблюдается рост доли сограждан, полагающих, что религиозные организации вообще не должны вмешиваться в общественную жизнь (с 9 % в 2015 г. до 16 % в 2024 г.), особенно в политику (только 2 % населения — и в 2015, и в 2024 г. — связывают надежды на их роль в сфере политики и политической деятельности), но во всех группах большинство считает недопустимым насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах [там же: 202]. Таким образом воспроизводятся императивы консолидации различных этносов и культур, а также ориентация на светский характер общества (56 %).

Обращает на себя внимание фиксирование расхождения позиций молодого поколения (до 30 лет) со старшими возрастными группами в вопросах, связанных с моралью и нравственностью. В частности, усиление позиций индивидуализма в молодежной среде, когда личностный фактор превалирует над общественным [там же: 261—262]. Поэтому проблему ценностного транзита и социокультурной преемственности авторы считают одной из важных и актуальных для устойчивости общества. Добавим, что с 2018 г. исследователи фиксируют снижение доли россиян, ставящих в приоритет личные интересы, а к 2024 г. впервые за десять лет соотношение «общественников» и «индивидуалистов» стало в пользу первых (51 против 49 %) [там же: 153]. Это в целом рассматривается как признак ценностной мобилизации и консолидации. Однако отмечается, что во взглядах и установках младшего поколения потенциально заложены разные векторы: с одной стороны, молодежь больше склонна следовать западным образцам, которые воспринимаются ею как нормативные, с другой — более оптимистична в восприятии перспектив России [там же: 306]. Впрочем, опасения за молодежь традиционны, а исходя из анализа «цветных» революций и массовых политических протестов, вполне обоснованы [Устюжанин, Зинькина, Коротаев, 2023], но согласимся с авторами: на сегодняшний день все же нет оснований утверждать, что молодежная среда охвачена «радикальными версиями западничества» [«Стрела времени»..., 2024: 263]. Однако риски возможной радикализации стоит учитывать. Именно по этой линии могут возникнуть угрозы консолидации общества. Другой опасный момент, который все больше заботит россиян и может служить основанием для массовых возмущений, — мигранты. Этот аспект, к сожалению, в монографии отдельно не рассматривается. Однако 41 % респондентов, например, считают, что патриоты России — это люди, которые борются с незаконной миграцией [там же: 23].

Интересными видятся представления россиян о вероятных и предпочитаемых сценариях национального будущего. Авторы подчеркивают, что решающую роль в генерации видения будущего играет дистанция во времени — чем дальше заглядываем, тем туманнее перспективы, — однако подобные проекции всегда отражают настоящее и учитывают контекстуальность. В период кризисов и нестабильности представления о будущем обычно более пессимистичны. Тенденция позитивных прогнозов на ближайшую перспективу (на ближайший год) у россиян сохраняется. Переломным стал 2022 г., когда 75,5% отметили, что страну ждут трудные времена, в 2024 г. доля сократилась уже до 38,2% и продолжился восходящий тренд оценок успешного развития страны (с 14,2% в 2022 г. до 33,9% в 2024 г.). При конкретизации вопросов будущего страны также отмечаются позитивные ожидания в экономике (70,9%), уровне жизни (67,5%), международном статусе (75%), гораздо меньше ожиданий в отношении разрешения ситуации с социальной справедливостью (лишь 54,1%). Это связывается с ростом одобрения и поддержки действий властей, надежды на то, что государство способно противостоять кризису. Таким образом, мы наблюдаем уникальную ситуацию доверия, которое важно не обмануть. Россияне готовы временно закрыть глаза на некоторые сложности, но острота проблем социального неравенства (об их отсутствии заявляют лишь 4%, и только каждый седьмой не страдает от них [там же: 227]) не исчезнет, если их не решать. Все это может ослабить гражданскую солидарность и привести к социальной напряженности.

Прицел на перспективу

В целом итоги исследования убеждают в общественной и научной значимости труда ученых, в их умении ставить важные вопросы и актуализировать полученные результаты. Монография продолжает изучение исторического сознания россиян и позволяет соотносить результаты с прошлыми заключениями. Представленные М. К. Горшковым ключевые выводы могут служить основанием для анализа перспектив развития российского общества [там же: 286]. Он подчеркивает, что динамика данных свидетельствует о надежном запасе «социально-психологической устойчивости у наших сограждан» [там же: 291]. Установлено, что интерес к национальной истории после начала СВО усилился, при этом актуализируется положительная доминанта восприятия образа страны и его будущего, а уважительное отношение к истории воспринимается как базовая черта патриотизма. При этом сам исторический процесс исследователями воспринимается как взаимосвязанная цепочка событий, способствующая консолидации под влиянием внешних вызовов и угроз целостности и независимости. По мнению академика Горшкова, сами события уже не ограничиваются прошлым, а переносятся в новейшую историю России [там же: 288]. В частности, воссоединение Крыма с Россией маркируется как ключевое событие, определившее судьбу страны (46% в 2024 г. против 20% в 2020 г.), усилилась в массовом сознании и роль победы в Великой Отечественной войне (75% в 2024 г. против 60% в 2020 г.). Однако мы отмечали, что сопоставление этих данных не совсем корректно из-за разницы в методике. Современные события воспринимаются как поучительный урок, и россияне в целом с оптимизмом смотрят в будущее и поддерживают общий вектор развития (толь-

ко 4 % допускают негативный сценарий развития для страны), считая, что «Россия должна жить своим умом и идти своим путем» (52 против 35 % в 2017 г.), однако наши сограждане обращают внимание на решение главных задач, таких как борьба с коррупцией (59 %), преодоление социального расслоения (48 %) и учет национальных интересов (40 %). Исследователи справедливо предупреждают, что если оптимизм не оправдается, то вероятно критическая переоценка предшествующих событий [там же: 291]. Несмотря на то что в массовом сознании преобладают гордость и уважение к своей стране, каждый пятый испытывает обиду, стыд и возмущение. На этом фоне отмечается и рост готовности россиян к отстаиванию своих прав и интересов (в 2024 г. — максимальный показатель с 2002 г.).

Хотя авторы пока не вышли на теоретические обобщения, сам анализ представляется комплексным и многоаспектным. Сильная сторона монографии в том, что она дает важный срез и динамику мнений наших сограждан о том, в каком обществе они хотели бы жить. Ожидания будущего у россиян, несомненно, связаны с реалиями сегодняшнего дня, которые существенным образом определяют отношение ко времени. И эти потенции важно учитывать при выстраивании социальной политики, поэтому рецензируемая книга не только обладает научным потенциалом, но и может стать настольной в кабинетах высшего руководства и аналитических службах.

Список литературы (References)

1. Абрамов Р. Н. Дефиниционистские метафоры в теоретической социологии // Социологический журнал. 2008. № 4. С. С. 23—34.
Abramov R. N. (2008) Definitionist Metaphors in Theoretical Sociology. *Sociological Journal*. No. 4. P. 23—34. (In Russ.)
2. Горшков М. К. К вопросу о социологии массовидных духовных образований (теоретико-методологический аспект) // Социологические исследования. 2021. № 2. С. 3—14. <https://doi.org/10.31857/S013216250012674-4>.
Gorshkov M. K. To the Issue of Sociology of Collective Spiritual Phenomena (Theoretical and Methodological Aspect). *Sociological Studies*. No. 2. P. 3—14. <https://doi.org/10.31857/S013216250012674-4>. (In Russ.)
3. Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы (опыт социологического измерения) / под ред. М. К. Горшкова. М.: Весь Мир, 2022.
Gorshkov M. K. (ed.) (2022) Historical Consciousness of Russians: Assessments of the Past, Memory, and Symbols (Experience of Sociological Measurement). Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
4. Кравченко А. И. Метафоры в социологии: новые перспективы или путь в никуда? // Социологические исследования. 2016. № 7. С. 124—133.
Kravchenko A. I. (2016) Metaphors in Sociology: A New Perspective or a Road to Nowhere? *Sociological Studies*. No. 7. P. 124—133. (In Russ.)
5. Латова Н. В. Удовлетворенность россиян разными аспектами жизни: десятилетний тренд на фоне социально-экономических кризисов // Социоло-

- гические исследования. 2024. № 9. С. 17—29. <https://doi.org/10.31857/S0132162524090029>.
- Latova N. V. (2024) Satisfaction of Russians with Different Aspects of Life: Ten-Year Trend Against the Background of Socio-Economic Crises. *Sociological Studies*. No. 9. P. 17—29. <https://doi.org/10.31857/S0132162524090029>. (In Russ.)
6. Лубков А. В. О едином учебнике истории. Концептуальные подходы // Преподаватель XXI век. 2024. № 1. Ч. 2. С. 303—320.
Lubkov A. V. (2024) About the Unified History Textbook. Conceptual Approaches. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*. No. 1. P. 2. P. 303—320. (In Russ.)
7. Малинкин А. Н. Историческая память о Великой Отечественной войне: эпистемологические и генеалогические аспекты // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 23—34. <https://doi.org/10.31857/S013216250009409-2>.
Malinkin A. N. (2020) Historical Memory of the Great Patriotic War: Epistemologic and Genealogic Aspects. *Sociological Studies*. No. 5. P. 23—34. <https://doi.org/10.31857/S013216250009409-2>. (In Russ.)
8. Мединский В. Р. Война. Мифы СССР. 1939—1945. 4-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение-Союз; Просвещение, 2025.
Medinsky V. R. (2025) The war. Myths of the USSR. 1939—1945. 4th ed. Moscow: Prosveshchenie-Soyuz; Prosveshchenie. (In Russ.)
9. Орлова И. Б. Историческое знание как предмет социологического анализа (феноменологический аспект) // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 66—77. <https://doi.org/10.7868/S0132162517090082>.
Orlova I. B. (2017) Historical Knowledge as a Subject of Sociological Analysis (Phenomenological Aspect). *Sociological Studies*. No. 9. P. 66—77. <https://doi.org/10.7868/S0132162517090082>. (In Russ.)
10. Покида А. Н., Зыбуновская Н. В. Динамика исторической памяти в российском обществе (по результатам социологического мониторинга) // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 98—107.
Pokida A. N., Zybunovskaya N. V. (2016) Dynamics of the Historical Memory in the Russian Society (Results of Sociological Monitoring). *Sociological Studies*. No. 3. P. 98—107. (In Russ.)
11. Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности / под ред. Л. П. Репиной. М.: Аквилон, 2020.
Repina L. P. (ed.) (2020) The Past for the Present: History-Memory and Narratives of National Identity. Moscow: Akvilon.
12. Романовский Н. В. Социологическая теория в России сегодня — пример «стрелы времени» // Социологические исследования. 2025. № 7. С. 5—12.
Romanovskiy N. V. Sociological Theory in Russia Today — the Case of the «Arrow Of Time». *Sociological Studies*. No. 7. P. 5—12. (In Russ.)

13. Российское общество и государство: основания устойчивости и тенденции изменений. Социальная и социально-политическая ситуация / отв. ред. В. К. Левашов. М. : ФНИСЦ РАН, 2024.
Levashov V. K. (ed.) (2024) *Russian Society and the State: The Foundations of Sustainability and Trends of Change. Social and Socio-political Situation*. Moscow: FCTAS RAS.
14. «Стрела времени» в массовом сознании россиян: оценки прошлого, суждения о настоящем, представления о будущем / под ред. М. К. Горшкова. М. : Весь Мир, 2024.
Gorshkov M. K. (ed.) (2024) *The “Arrow of Time” in the Mass Consciousness of Russians: Assessments of The Past, Judgments About the Present, Ideas about the Future*. Moscow: Ves’ Mir. (In Russ.)
15. Таньшина Н. П. Русофобия: История изобретения страха. М. : Концептуал, 2023.
Tanshina N. P. (2023) *Russophobia: The Story of the Invention of Fear*. Moscow: Conceptual. (In Russ.)
16. Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3—13.
Toshchenko Zh.T. (2000) *Historical Consciousness and Historical Memory. Analysis of the Current State*. *New and Contemporary History*. No. 4. P. 3—13.
17. Устюжанин В. В., Зинькина Ю. В., Коротаев А. В. Опасная молодежь: почему в массовых политических выступлениях (не) применяют оружие? // Социологические исследования. 2023. № 5. С. 82—96. <https://doi.org/10.31857/S013216250025805-8>.
Ustyzhanin V. V., Zinkina J. V., Korotayev A. V. (2023) *Dangerous Youth: Why Do Political Uprisings Take an Unarmed Form? Sociological Studies*. No. 5. P. 82—96. <https://doi.org/10.31857/S013216250025805-8>. (In Russ.)
18. Шмерлина И. А. Метафора — когнитивный барьер (на примере использования понятия “институт”) // Социологические исследования. 2017. № 10. С. 15—25. <https://doi.org/10.7868/S0132162517100026>.
Shmerlina I. A. (2017) *Metaphor as a Cognitive Obstacle (Exemplified by the Concept “Institute”)*. *Sociological Studies*. No. 10. P. 15—25. <https://doi.org/10.7868/S0132162517100026>. (In Russ.)